

Римская Имперія и Христіанство.

На нашихъ глазахъ совершается пробужденіе религіознаго сознанія среди интеллигенціи. Новыя исканія Бога и стремленіе заглянуть въ мистическую глубину жизни перестаютъ уже быть интимнымъ удѣломъ одинокихъ личностей, а становятся явленіемъ общественнымъ, вся сила котораго устремлено къ будущему. Это составляетъ чуть ли не самый значительный фактъ въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Этотъ фактъ вырастаетъ въ нашихъ глазахъ еще больше, если мы обратимъ вниманіе на повседневное угасаніе интереса къ позитивизму и полный провалъ бездомныхъ материалистическихъ ученій.

Среди споровъ о путяхъ къ побѣдѣ религіозной правды, поднимаемыхъ въ частныхъ кружкахъ, въ общественныхъ собраніяхъ, и чуть не въ каждомъ номерѣ нашихъ ежемѣсячниковъ пробивается къ жизни нѣкая религіозная новь, не укладывающаяся ни въ славянофильство, ни въ западничество, ни въ одну изъ существующихъ политическихъ партій.

Съ точки зрѣнія этого новаго дѣятельнаго начала все постигшее насъ разстройство получаетъ невѣдомое доселѣ освѣщеніе. Становится ясно, что не столько личная, но, главнымъ образомъ, общественная и государственная безрелигіозность является коренной и наиболѣе вліятельной причиною удручающихъ насъ золь. Необходимы люди сильные духомъ и руководимые просвѣщеніемъ, основаннымъ на новой концепціи счастья,—такой концепціи которая не подымала бы брата на брата, бѣдняковъ противъ богатыхъ, управляемыхъ противъ управителей, учениковъ на учителей, рабочихъ на хозяевъ.

Возвѣщаемый Христіанствомъ радостный смыслъ жизни,

проистекающій изъ вѣры въ побѣдимость зла и слѣдовательно всякой общественной кривды, мы до сихъ поръ не сумѣли положить ни во главу угла нашихъ построений желаемой дѣйствительности.

Вотъ почему споры о томъ, какъ должна быть воспитана на основѣ этой религіозной радости личность, какъ организованъ социальный и государственный строй—не сегодня завтра станутъ самыми жизненными и захватывающими. И нѣкоторые вопросы, которые раньше трактовались лишь въ скукѣ и академическомъ безплодіи, теперь оказываются связанными съ самыми глубокими страданіями времени.

Главный изъ нихъ—это вопросъ о значеніи существующаго у насъ союза Церкви съ Государствомъ. Но такъ какъ настоящій союзъ имѣетъ свои корни въ историческихъ отношеніяхъ Христіанства къ Римской Имперіи,—отношеніяхъ до сихъ поръ трудно и ложно понимаемыхъ, то выясненію ихъ и будетъ посвященъ настоящій трактатъ.

I.

Вопросъ объ отношеніяхъ Христіанства къ Имперіи до сихъ поръ имѣлъ два рѣшенія.

Одно—іератическое. Оно дошло до насъ въ канонахъ церковнаго права и имѣетъ свое повседневное выраженіе въ изобразительномъ искусствѣ Церкви: на иконахъ, въ изреченіяхъ хвалебныхъ пѣсенъ; въ фактъ причисленія къ лику святыхъ многихъ Византійскихъ императоровъ и императрицъ и т. п.

Другое рѣшеніе, подвергая сомнѣнію чистоту побуждений этой канонизаціи, представляетъ собою опредѣленную концепцію культурной исторіи христіанскихъ народовъ. Это рѣшеніе, между прочимъ, замѣчательно тѣмъ, что на немъ часто сходятся антиподы: представители ультра-іерархическаго направленія въ Церкви и идеологи политической революціи въполнѣ свѣтской.

Эта концепція заключается въ мысли, что упадокъ Церкви первыхъ вѣковъ находится въ причинной зависимости отъ Миланскаго эдикта. Христіанство до Константина и Христіанство послѣ Константина—это два совершенно разныхъ міра. Константинъ Великій у первыхъ христіанъ укралъ

Христа. Церковь гонимая отъ Церкви гонительницы отдѣлена величайшей ошибкой. Христіанству не надо было становиться государственной религіей, а оставаться только въ-рою катакомбъ и отшельниковъ. Поэтому, теперь Христіанству надлежитъ избавиться отъ этого искривленія, отвергнуть связь съ государствомъ и искать высшихъ ступеней просвѣщенія на тѣхъ путяхъ, на которыхъ уже давно идетъ борьба противъ этого „самаго холоднаго изъ чудовищъ“—государства.

Разберемся въ этихъ рѣшеніяхъ.

Первое представляетъ собой скорѣе нѣмой фактъ, чѣмъ развитое ученіе, подкрѣпляющее каждое изъ своихъ положеній достаточными основаніями. Оно—точно алгебраическая формула съ нераскрытыми скобками, и какія части при раскрытіи ихъ отпадутъ, какъ историческій перегарь, какія останутся, какъ золото вѣчной истины—не ясно.

Во второй концепціи есть нѣчто такое, что привлекаетъ къ ней, какъ бы во имя отстаиваемаго ею болѣе возвышеннаго духовнаго пониманія Христіанства. Но подозрительнымъ здѣсь является то, что принявшіе эту концепцію всегда до сихъ поръ оставались чужды самимъ глубинамъ Христіанства, или во всякомъ случаѣ въ вѣрѣ не возростали. Къ тому же, здѣсь историческія отношенія Церкви къ Государству рисуются чертами самыми выгодными для цѣлей, въ конечномъ счетѣ совершенно постороннихъ, если не сказать, враждебныхъ Христіанству.

Мучительное недоразумѣніе въ этой концепціи заключается въ томъ, что малая доля истины здѣсь прибавлена къ основной неправдѣ въ такой формѣ, что лишь сбиваетъ съ толку неопытныхъ.

Но обратимся къ существу вопроса. Мы попытаемся начертать то его рѣшеніе, которое предносится намъ, какъ единственно истинное. Этимъ путемъ, лучше всего можно будетъ разобраться и въ существующихъ рѣшеніяхъ.

II.

Съ Константина Великаго распадленіе Церкви, угасаніе восторга новой жизни, потрясеніе Христіанскаго братства ереями—дѣйствительно имѣло мѣсто. Но все это зависило не

отъ того, что Христіанство сдѣлало ложный шагъ, примирившись съ Имперіей, а отъ иныхъ корней.

Вслѣдствіе міра съ Имперіей, Церковь сдѣлала великое приобрѣтеніе. Не говоря ужъ о томъ, что Христіанъ перестали жесточайше гнать,—я имѣю въ виду здѣсь великую *идею*, которую Церковь восхитила у свѣтскаго государства.

Дѣло въ слѣдующемъ.

Апостолы не основывали *единой* Церкви въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее знаемъ впослѣдствіи. Они утверждали въ городахъ малыя „общины спасенія“, изъ которыхъ каждая имѣла свое мистическое лицо, знавшее Господа Иисуса Христа, но не знавшее мистическаго лица другихъ общинъ. Посмотрите, какъ всякое посланіе Апостола Павла проникнуто этимъ чувствомъ несравнимой индивидуальности каждой изъ религіозныхъ политій, къ которымъ онъ пишетъ. То же должно сказать и о семи Малоазійскихъ Церквахъ, очерченныхъ въ Откровеніи святого Іоанна и представляющихъ собой вѣчные типы городского и помѣстнаго благочестія. Ни одно изъ достоинствъ и грѣховъ, отмѣченныхъ за каждой изъ нихъ, не показываетъ, что онѣ имѣли хоть какое-либо отношеніе другъ къ другу. Это гроздь винограда, каждая ягода которой отдѣлена другъ отъ друга кожурой и имѣетъ свою косточку, т. е. способность рождать себѣ подобныя же общины, но не болѣе.

Сами личности верховныхъ Апостоловъ, исповѣдующихъ Церковь, какъ единое Тѣло Христово, были этимъ центромъ, охватывающимъ уединенныя общины, и пока апостольскій ликъ имѣлъ на землѣ своихъ живыхъ представителей, до тѣхъ поръ единство это имѣло видимую опору.

Но городскія Церкви неизбежно должны были расти. Они сами должны были выходить изъ тѣсныхъ предѣловъ своего ефесскаго, смирнскаго, пергамскаго кругозоровъ. Этого не могло не совершиться ужъ потому, что бродило новой святой жизни, положенное въ основу Церкви. подымало тѣсто вверхъ и вверхъ.

Миръ съ Имперіей и послужилъ здѣсь рѣшительнымъ моментомъ. Чтобы понять это, нужно уяснить себѣ: *что* такое была Имперія?

Римская Имперія имѣла въ себѣ нѣчто *абсолютное*. Она вовсе не была государствомъ въ нашемъ смыслѣ слова. Ибо

государство непременно предполагаетъ отношеніе къ другимъ такимъ же сувереннымъ государствамъ. Римская же Имперія другихъ государствъ обокъ съ собою не знала, а знала лишь жалкій сбродъ варваровъ.

Но этимъ не исчерпывалось указанное значеніе Римской Имперіи.

Разгромляя враговъ, обезличивая союзниковъ, Имперія открывала новую эру свободы. Противъ обаянія мѣстныхъ языческихъ мистицизмовъ она всюду подымала одну и ту же бурю человѣческой воли, стремящейся наслѣдовать землю. Она явилась опытомъ *единого* человѣчества. Она вступила въ исторію съ реальтѣйшей задачей—объединенія народовъ, какъ сыновъ *земли*. *Orbis terrarum!* Идея эта такъ грандіозна, такъ дорога, такъ религіозно нужна человѣчеству, что ее можно причислить къ одной категоріи съ библейски-священными идеями, напримѣръ, идеей грѣхопаденія, мессіанской, эсхатологической и т. п.

Чтобы понять справедливость этого, мы неизбежно должны коснуться вопроса о границахъ Завета, даннаго Богомъ еврейскому народу.

Законъ, откровенный Богомъ черезъ Моисея, имѣлъ два основныхъ момента. Прежде всего, въ рядѣ вѣчныхъ заповѣдей, данныхъ *самостоятельной* человѣческой волѣ, Законъ начертывалъ картину должной святой жизни. Въ этомъ смыслѣ Законъ представлялъ собою лѣстницу, каждая ступень которой имѣла свою независимую религіозную цѣнность. Общая великія милости исполнителямъ и грозя жалкою участью изъ рода въ родъ ослушникамъ, онъ зажегъ никогда съ тѣхъ поръ не умиравшее въ поколѣніяхъ молитвенное воображеніе и нравственную волю къ чистотѣ.

Въ этотъ смыслѣ законъ, хотя и не объединялъ дѣйствій подзаконнаго человѣка въ одну систему, въ одно живое цѣлое, но все же былъ создателемъ въ Израилѣ нѣкоторой относительной святости,—той святости, которая могла получиться отъ немоцнаго человѣческаго исполненія Божественныхъ велѣній.

Но въ Законѣ Синайскомъ былъ и другой моментъ,—опредѣлявшійся именно въ зависимости отъ этой ограниченности человѣческаго исполненія *Закона Божія*. Въ этомъ смыслѣ Законъ Синайскій представлялъ собой уже не рядъ запо-

вѣдей, не *льстницу*, а являлся величайшей загадкой для Евреевъ. удручавшей ихъ на протяженіи всей ихъ исторіи.

Такъ какъ Законъ не допускалъ дѣлать свои заповѣди, т. е. сначала утвердиться въ исполненіи одной заповѣди, потомъ другой, затѣмъ—третьей, и т. д. до десятой; а требовать исполненія *всего* заповѣданнаго, и именно *всего* вмѣстѣ,—то онъ ставилъ всякаго человѣка лицомъ къ лицу предъ вопросомъ о нравственной цѣльности его существа. Этимъ требованіемъ Законъ съ неумолимой послѣдовательностью приводилъ личность къ сознанію, что человѣкъ своими и только своими силами исполнить Законъ, которому онъ обручился предъ лицомъ смерти, — *не можетъ*. Законъ, такимъ образомъ, открывалъ нѣкую трагическую истину о человѣкѣ и дѣйствительности.

Понять и повѣрить, что такое дѣйствіе Закона было не случайностью, а главной его задачей—этого почти никогда не удавалось евреямъ.

Требую живого цѣлостнаго нравственнаго состоянія, въ которомъ правда предъ Богомъ и правда предъ людьми обусловливаются другъ другомъ, — Законъ открывалъ *фактъ* власти надъ человѣкомъ темнаго начала, противнаго Закону, тысячею тяготѣній опутывающаго единичную волю и весь избранный народъ,—именно фактъ *грѣха* и гибели.

„Закономъ познается грѣхъ“, говоритъ апостоль Павелъ. И въ этомъ чуть ли не самое глубокое значеніе Закона.

Закономъ вѣвременно „Я“ каждаго человѣка противопоставалось не вѣшнему міру, а внутреннему существу этого же человѣка. Противорѣчіе между священной обязательностью Закона съ одной стороны и его фатальною неисполнимостью съ другой—разсѣкало не Законъ, а человеческое существо, и именно—по линіи его прикрѣпленія къ падшему роду. Совѣсть библейскаго еврея обращалась этимъ путемъ въ арену мучительной религіозной драмы, суть которой сводилась къ тому, что для праведности и спасенія необходима не „помощь“ Божія: ибо помощь оставляетъ субъекта, которому она оказывается, всетаки самимъ собой, а нѣчто безмѣрно большее, и именно: нѣчто трансцендентное по отношенію къ субъекту.

Новый таинственный *творческій актъ* Бога Живаго по отношенію къ человѣку становится съ тѣхъ поръ централь-

нымъ предметомъ постоянной мольбы и пророчества во Израилѣ. Первому постигнуть и выразить это съ потрясающимъ лиризмомъ дано было Давиду. И въ этомъ смыслѣ, а конечно, не въ государственномъ—онъ былъ „Царемъ во Израилѣ“.

Такимъ образомъ Закономъ, были созданы и поддерживаемы въ Израилѣ условія, среди которыхъ только и могло горѣть чаяніе „новыхъ дней творенія“ Иеговы, имѣющихъ внести коренную перемѣну въ судьбу человѣка.

Каково отношеніе между этими двумя моментами Закона, не трудно прослѣдить на исторіи Израиля. Сначала выступало значеніе Закона, какъ *ряда* заповѣдей. Затѣмъ, по мѣрѣ оскуднѣнія „относительной святости“—выступаетъ другой, трагическій моментъ—Законъ является испытаніемъ нравственной цѣльности человѣка.

Но этотъ второй воинствующій моментъ Закона со всѣми установленіями къ нему относящимися, какъ-то: обрѣзаніемъ, жертвеннымъ уставомъ, левитствомъ, скиніей—знаменовалъ долженствующее произойти среди всѣхъ народовъ отщепленіе личности отъ ветхаго рода и грядущаго въ мірѣ новаго Божественнаго Всечеловѣка и Его искупительное дѣло, И вотъ почему, когда Христосъ уже явился, этотъ второй, собственно національный моментъ Закона, потерялъ значеніе, ибо *исполнился*: Вѣтхій Завѣтъ замѣнился Новымъ.

Не то съ первымъ моментомъ. Первое значеніе Закона, какъ *ряда* заповѣдей, не померкло, а осталось по прежнему въ силѣ.

И дѣйствительно, вездѣ, гдѣ только проносилась благая вѣсть о Христѣ, — всюду увѣровавшіе видѣли горящими надъ собой, точно нѣкое созвѣздіе, священныя десять заповѣдей. Но эти заповѣди перестали уже имѣть національное, тѣсно еврейское значеніе. Онѣ стали указывать увѣровавшимъ во Христа людямъ разныхъ языковъ и народовъ о вѣчномъ долгѣ предъ Богомъ; но уже устремляя каждаго къ внутреннему перерожденію во Христѣ, пришедшемъ и совершившемъ наше спасеніе.

Тутъ-то, при созданіи связи съ Божественнымъ Микрокосмомъ пришедшаго Мессіи у многаго множества людей и поколѣній, т. е. при созданіи *новаго человечества*.—тутъ-то и должна была сказаться количественная ограниченность Синайскихъ Заповѣдей.

Что это значить? Не то ли, что Законъ несовершенъ? Что заповѣдей должно было быть не десять, а больше?...

Не о несовершенствѣ здѣсь идетъ рѣчь. Апостоль Павелъ говоритъ, что „Моисей полагалъ покрывало на сіяющее лице свое, чтобы сыны Израиля не взирали на конецъ преходящаго“. Такъ великъ этотъ конецъ и такъ ослѣпительнъ обличающій свѣтъ его! То же и здѣсь.

Законъ, данный двѣнадцати колѣнамъ Израиля у подножія Синая, открывалъ не весь ликъ идеала. Онъ вовсе и не ставилъ себѣ задачей исчерпать всю многообъемлемую полноту священнодолжнаго предъ Богомъ. Цѣлыя великія круги жизни остались неохвачены откровеніемъ Закона.

Чти отца твоего и мать твою... Не укради... Не предюбы сотвори... Не пожелай... ни села его, ни вола его, ни осла его... Въ этихъ заповѣдяхъ не содержится идеи *Града*. идеи политіи, универса.

Это—Законъ пастушескихъ шатровъ, добраго сосѣдства, семейнаго очага и, пожалуй, хуторской нравственности. Но цемента, связывающаго отдѣльныя личности въ народъ, въ государство и, тѣмъ болѣе, въ человѣчество, здѣсь нѣтъ. Объединяющими въ народъ были: скинія, жертвы, обрѣзаніе. Но все это знаменовало Грядущаго Мессію и съ пришествіемъ Его упразднилось.

Такимъ образомъ, въ категоріи *Благодати* явился новый всемірный братотворящій центръ—Богочеловѣкъ Христосъ; въ категоріи же Закона соотвѣтствующаго повелительнаго начала не было ни въ Ветхомъ Завѣтѣ, ни у первой Церкви. И если іудеи въ своемъ національномъ самопревозношеніи суживали идею Закона, то Апостолы положили въ основаньяхъ ими общинахъ прочное начало иному пониманію.

„Или Богъ іудеевъ токмо. а не языковъ?“—спрашиваетъ Апостоль Павелъ. И тутъ же отвѣчаетъ: „Ей, и языковъ!“

И вотъ, онъ возвѣстилъ, что наряду съ Закономъ Синайскимъ, Тотъ же „Богъ спасенія“ и „браней“ издревле начертывалъ *законное* въ сердцахъ и другихъ народовъ.

Спрашивается: каково же было это законное?

Изъ опыта исторіи видимъ, что императивъ реальнаго всечеловѣческаго *единенія* звучалъ въ сердцахъ народовъ Іафетова корня съ нѣкоей сверхъестественной силой и постоянствомъ. Правда, эта заповѣдь была открываема народамъ

Іафетова корня безъ громовъ, молній и чудесъ, какъ при Синаѣ, а въ тишинѣ сердца; тѣмъ не менѣе и эта тишина была также не безъ знаменій.

И если „черезъ разсматриваніе тварей и человѣка“ эти народы,—какъ говорить Апостоль Павелъ. — приходили къ библейской идеѣ единого Бога.—то тѣмъ болѣе и наоборотъ: только при мысли о Богѣ въ нихъ могло пробуждаться сознаніе объ изначальномъ единствѣ человѣческаго рода. И вотъ не иначе, какъ подъ вліяніемъ чуда высшаго озаренія, фактъ утраченнаго и забытаго прошлаго здѣсь могъ превратиться въ племеньющую задачу *будущаго*.

Образъ *единого* человѣчества, наслѣдующаго землю, въ душѣ іафетидовъ нѣсколько разъ вспыхиваль, какъ высочайшая задача и послѣдняя цѣль исторіи.

И вездѣ, гдѣ подымалось было знамя этой задачи,—вездѣ ему сопутствовалъ паническій ужасъ народовъ. Страхъ матеріальнаго разгрома былъ лишь явленіемъ параллельнымъ, но не совпадающимъ. Это имѣло мѣсто при возникновеніи міровыхъ могуществъ: Вавилона, Персіи и позднѣе Македоніи.

„Ты—Царь царей, которому Богъ Небесный дароваль царство, власть и славу, и всѣхъ сыновъ человѣческихъ, гдѣ бы они не жили, Онъ отдалъ въ твои руки и поставилъ тебя владыкой надъ всѣми ими“ (Даніиль 11. 37—8). Въ этихъ поразительныхъ по опредѣленности словахъ пророкъ Даніиль раскрываль предъ Навуходоносоромъ его миссію въ исторіи.

Язычника же Кира, продолжателя дѣла Навуходоносорова, —Богъ прямо называетъ „помазанникомъ“ Своимъ и при этомъ говоритъ: „Я препоясаль тебя, хотя ты меня не знаешь“ (Исаія 45, 4).

Высота, святость и вѣчность задачи о единомъ человѣчествѣ собственно и сдѣлали власть начальника военныхъ силъ Римской республики „верховной“. И вовсе не внѣшняя и не слѣпая случайность, что Римъ всюду находилъ почву подготовленной къ своему торжеству. Долгий процессъ критики языческихъ вѣрованій, одновременный и однородный почти во всѣхъ странахъ, прилегавшихъ къ Средиземному морю, еллинское софистическое и художественное развитіе, повсюдное распаденіе своекорыстно-замкнутыхъ патріархаль-

ныхъ городскихъ государствъ — все это вело къ одному и тому же исходу. Сталкиваясь съ Римомъ, народы чувствовали себя связанными *духовно*. Они сознавали себя въ этомъ столкновеніи притянутыми на судъ предъ чѣмъ-то безмѣрно высокимъ, предъ воинствующимъ идеаломъ, которому подсудна вся тварь. Вокругъ этой идеи вѣялъ страхъ Божій и притяженіе, — тотъ же священный страхъ и то же притяженіе, которые сопровождали явленіе Закона Синайскаго.

Зло разъединенія людей, отчужденіе народовъ чувствовалось повсюду въ языческомъ мірѣ, возбуждая „неизглаго-ланныя воздыханія“, на которыя никто не зналъ, какъ отвѣтить. И когда Римъ поднялъ знамя реального всечеловѣческаго единенія, то всѣ народы преклонились предъ этимъ началомъ и подумали, что нашли свой путь. Но, когда стало ясно, что Римъ не только зажегъ надъ народами великую вѣчную цѣль, но и явилъ поистинѣ демоническій опытъ осуществленія этой цѣли, — тогда это чувство разъединенія тоски и скорби еще болѣе обострилось и въ отдѣльныхъ случаяхъ доходило до отчаянія.

Вооруженный міръ, гдѣ человѣкъ — волкъ, гдѣ слабый — брошенная добыча сильнаго, гдѣ *ius civile scriptum est vigilantibus* — этотъ *Pax romana* являлся лишь всемірнымъ истязаніемъ Закона о братствѣ народовъ.

И какъ еврейская дѣйствительность къ моменту прише-ствія Христа была сплошною мерзостью, „проклятымъ беззаконіемъ“ предъ сіяющимъ образомъ святости, открытымъ въ Законѣ Моисеевомъ, — такъ и дѣйствительность Римскаго *orbis terrarum* была сплошнымъ злодѣйствомъ и преступленіемъ предъ лицомъ Закона о всечеловѣческомъ единеніи. Евреи терзали Законъ, открытый имъ въ чудесахъ и громахъ Синая: то же дѣло дѣлали и язычники съ Закономъ, открытымъ имъ въ тиши сердца.

Какъ изъ одного, такъ изъ другого Закона вела свое начало одна и та же трагедія человѣческой воли, стремившейся къ полнотѣ и абсолютной правдѣ. Законъ единочеловѣчества въ язычествѣ такъ же, какъ Законъ Синайскій въ Еврействѣ, завязывалъ прерванные отношенія съ Богомъ и открывалъ, что не Богъ виновникъ зла въ мірѣ, а что все обнимаемо одною и тою же трагедіей грѣха.

И хотя природа, какъ одного, такъ и другого Закона была тождественна, но она на дѣлѣ никогда не сознавалась таковою, и это было непреоборимымъ препятствіемъ къ явленію единого человѣчества.

Не смотря на философское и нравственное сходство обоихъ родовъ отчаянія, между двумя дѣйствительностями—Еврейской и Греко-Римской—лежала непроходимая пропасть. Ибо что за дѣло было римлянамъ и эллинамъ до Закона открытаго какому-то презрѣнному еврейскому народу. И что за дѣло Израилю до какихъ-то снова сердца ненавистныхъ язычниковъ? Объединить эти двѣ жизни, такъ во всемъ чуждыя другъ другу и при столкновеніи доходившія до смертельной вражды—это было подѣ силу только чуду.

Пришествіе Христа, Который былъ воплощеннымъ исполненіемъ Закона, поставило все языко-христіанство въ усыновленіе къ библейскимъ Откровеніямъ. На глазахъ у Евреевъ и іудействующихъ историческое преданіе Ветхаго Завѣта становилось предметомъ вѣры и задушевнѣйшаго поклоненія для вчерашнихъ язычниковъ. Обѣтованія Аврааму, исходъ изъ Египта, Синайскій Законъ, блужданія въ пустынь, псалмы Давида, раздѣленіе на враждующія іудейское и израильское царства, вавилонскій плѣнъ, обѣтованія пророковъ,—все это становилось *роднымъ* прошлымъ, психологически близкимъ для язычниковъ.—болѣе роднымъ и близкимъ, чѣмъ оно было для упорствующихъ іудеевъ.

Тѣмъ болѣе, эта же „благодать Иисуса Христа“ — новый умъ и очи — должны были открыть грозовую силу присутствія Божія надъ Закономъ, который былъ издревле начертанъ въ сердцахъ языковъ.

И дѣйствительно, на глазахъ первыхъ языкохристіанъ также совершалось и другое несслуханное дѣло: именно, среди обращенцевъ изъ іудейства, еще цѣнившихъ свое обрѣзаніе и субботу, происходило признаніе абсолютнаго значенія за Закономъ, откровеннымъ въ Греко-римскомъ мірѣ, исполненнымъ всякой нечистоты и скверны. Послѣдующія гоненія держали христіанскія общины на этихъ высотахъ пониманія около двухъ вѣковъ.

И вотъ, когда Константинъ Великій принялъ Христіанство, не какъ частный человѣкъ, а какъ Императоръ, и именно какъ Императоръ, такъ что это связало и всѣхъ послѣдую-

днихъ Императоровъ и стало вновь сознаною основой верховной власти ихъ, и когда этотъ фактъ былъ признанъ всею Церковью—восточною и западною половинами ея, такъ признанъ, что это связало всю послѣдующую Церковь, то произошла не ошибка и не несчастное недоразумѣніе, а совершилось великое, всемірное религіозное дѣло: произошло объединеніе Законовъ—Синайскаго и всечеловѣческаго.

Придавая провиденціальное значеніе этому новому факту, Церковь засвидѣтельствовала, что надъ этими двумя мірами, жившими доселѣ въ непримиримой враждѣ—не два законодателя, а одинъ и тотъ же. Законъ Божій *единъ*, гдѣ бы и въ какой формѣ онъ ни былъ откровенъ, исторія знаетъ лишь многообразіе частей одного и того же Откровенія. Признавая это, Церковь засвидѣтельствовала, что источникъ обѣихъ трагедій—тождественъ: какое-то темное перводѣйство, положившее начало разрыву между Творцомъ и тварью, и легшее въ основу всей дальнѣйшей судьбы человѣческой, и что для этихъ міровъ, погибавшихъ каждый по своему—не *два* спасенія, а одинъ и тотъ же, Христось.

Для Императоровъ, начиная съ Константина, это не было „только политикой“, т.-е. своекорыстнымъ дѣйствіемъ, ибо здѣсь власть ихъ подверглась полному катаклизму, исходъ котораго вовсе не былъ ясенъ. Дѣло было безмѣрно больше, чѣмъ личности Константина и его преемниковъ и ихъ государственные замыслы.

Для Церкви же это было во всякомъ случаѣ религіознымъ дѣйствіемъ, вступленіемъ на новый путь, а не измѣной идеалу. Ибо сколько выгодныхъ и болѣе удобныхъ для своего историческаго успѣха богословскихъ направленій она признала за ложь и ересь! Хотя бы то же аріанство. Для Церкви это было актомъ вѣры, возводящимъ ее на новую высшую ступень. Это—новый актъ теодицеи.

Является вопросъ: для многихъ ли въ Христіанствѣ это было такъ? Къ сожалѣнію, численно—для не многихъ. Но эти немногіе были таковы, что повели потомъ за собой всѣ общины и на многіе вѣка опредѣлили судьбу христіанства. Это были Отцы Церкви.

Такова сущность дѣла. Но здѣсь-то и надо настойчиво отличать эту сущность отъ загромождавшихъ ее случайностей. На этой ступени были свои трудно побѣдимые соблазны

и грѣхи, свои недоумѣнія и, быть можетъ, болѣе сложныя, чѣмъ въ эпохи апостольскую и гоненій.

Новое государственное значеніе Христіанства для послѣдующихъ поколѣній, охладѣвшихъ въ вѣрѣ, стало служить источникомъ легкаго и ложнаго примиренія съ окружающею жизнью и ея зломъ. Безопасность стала устремлять къ суетному благополучію и успѣхамъ „въ міру“, волненія учительской гордости, принимаемая за даръ Христа, за явленія Благодати, въ тайникахъ сердца ставились въ основу выдвигаемыхъ ко всеобщему признанію нормъ вѣры. Это было скрытою основой всѣхъ блужданій и уклоненій въ ереси. Евангельски простое слово проповѣди стало на каждомъ шагу подмѣняться риторикой, въ конецъ загроудившей искреннее общеніе между вѣрующими. Духъ государственнаго начальствованія, вопреки заповѣди Апостола, вкрался въ отношенія между клиромъ и народомъ. Прежде вѣдѣнію государства доступна была только область внѣшняго поведенія, теперь оно получило доступъ къ совѣсти и душевному міру человѣка. Какъ изъ перваго, такъ и изъ втораго явился соблазнъ новаго рода насилій: убійства духовнаго.

Вотъ среди какихъ прежде неизвѣстныхъ трудностей Церкви приходилось теперь прокладывать свой путь, тѣмъ не менѣе этотъ путь ею былъ выбранъ вѣрно. И если въ апостольскія времена главная задача Церкви сводилась къ охраненію Евангелія отъ іудейскихъ и оргіастическихъ примѣсей; въ эпоху гоненій—къ публичному свидѣтельствуванію о Распятіи и отличенію истиннаго мученичества отъ ложнаго, что Церковь запечатлѣла во множествѣ трогательнѣйшихъ канонизацій и прославленій,—то теперь эта задача свелась къ утвержденію и различенію двухъ всеобъемлющихъ категорій религіознаго бытія: категорія Закона и категорія Благодати.

Такимъ образомъ, фактъ принятія Имперіей Христіанства связалъ въ неразрывное цѣлое всю категорію *должнаго* и высоко утвердилъ ее надъ землей, какъ свѣтило жизни. Синайскія заповѣди съ задачей единаго человѣчества слились въ одну полноту Богозавѣтнаго *Законнаго*, во всеобъемлющій Законъ о человѣческомъ назначеніи, по коему съ тѣхъ поръ стали судиться народы земли.

III.

Спрашивается, если столь возвышена и библейски свята была идея Имперіи, то почему же съ нею такъ долго и тяжело пришлось бороться первымъ христіанамъ, откуда могло родиться столь упорное противленіе ея Евангелію?

Но въ томъ-то и дѣло, что Имперія была не только носителницей этой идеи, но, еще больше, и законченнымъ опытомъ ея осуществленія. На немъ-то теперь мы и должны остановить нашъ взоръ.

Это осуществленіе опредѣлялось, во первыхъ, язычествомъ, во вторыхъ,—государственнымъ гуманизмомъ. Сплетались, такимъ образомъ, три могущественнѣйшихъ эмоціи: священный пафосъ великой цѣли, темное опьяненіе національной гордости и мистическая одурь капищъ.

Какъ же относилась къ этому Церковь? Понимала ли она всю сложность противустоящаго ей явленія?—Да, понимала. Она свидѣтельствовала, что мерзостью язычества и звѣринымъ одушевленіемъ Имперія осквернена не въ своемъ теоретическомъ достоинствѣ, а въ исполненіи на практикѣ. Предъ Церковью, такимъ образомъ, предстала задача: отрицая фактическое осуществленіе, не погасить и самую цѣль, не разрушить идеи. И она эту задачу приняла. Своимъ ученіемъ и жизнью она сознательно пошла на подвигъ рѣшительнаго отдѣленія цѣли отъ средствъ, теоріи отъ факта.

Именно это и имѣли въ виду Апостолы и мученики, когда объявляли боговъ: то „пустотой“, то „демонами“, клеймили Римъ именемъ „Вавилона“, „звѣря изъ бездны“, — и въ то же время учили съ великой настойчивостью въ одинъ голосъ, что „сущія“, т.-е. фактически существовавшія тогда власти Имперіи,—„отъ Бога учинены суть“. Въ самомъ Римѣ, столицѣ богоборнаго государства изъ рукъ Апостоловъ и мучениковъ Христіанства было предложено *princeps*’у и другимъ магистратамъ Имперіи высшее и самое совершенное оправданіе ихъ власти. Это превосходитъ всякую человѣческую смѣлость!

Евангельскимъ ученіемъ о власти новые проповѣдники разсѣкали тѣло ея пополамъ, поставляя одну ея половину въ положительное религіозное отношеніе къ своему христіанскому дѣлу, другую обрекая на паденіе и позоръ.

Такимъ образомъ, Апостолы и первые учителя приводили первыхъ Христіанъ не къ преклоненію предъ голымъ фактомъ. Они подводили ихъ подъ иго вѣчнаго Закона Божія о собраніи племенъ и народовъ воедино и научали жертвенному дѣланію, въ которомъ Христіане совлекались державныхъ правъ надъ собой и какъ бы умирали политически. И такъ какъ власть была едина на всемъ протяженіи orbis terrarum'a, то въ новомъ религіозномъ отношеніи къ ней давалась человѣкамъ возможность понять и принять путь къ Богу не какъ атомистически безроднымъ Ангеламъ, а какъ человѣчеству, собранному въ единичеловѣка, какъ роду земли, въ тайнѣ и загадкѣ о землѣ.

Мука этого жертвеннаго дѣланія, такимъ образомъ, не оставалась тщетной. Она находила себѣ оправданіе не только въ томъ болѣе полномъ избавленіи отъ грѣха, которое давала, но и въ томъ чаяніи грядущаго *Града Божія*, т. е. новаго благодатнаго соединенія всѣхъ въ Воскресшемъ, которое зажигала въ душахъ.

Здѣсь совершалось внутреннее преодоленіе языческаго государства Благодатью Иисуса Христа, ибо государство утрачивало тотъ богоборный смыслъ вавилонской башни, который оно имѣло на практикѣ и въ Римѣ и въ предшествовавшихъ ему другихъ міровыхъ монархіяхъ.

Итакъ, у первыхъ Христіанъ былъ споръ съ Имперіей вовсе не объ верховной задачѣ ея, не объ этомъ долгѣ, который тяготѣлъ надъ всѣми племенами и народами. Эту верховную задачу Христіане принимали, но *выдѣляли* изъ факта. Они настаивали, что язычество и хищная воля—не путь къ этой цѣли, а бѣсовскій обманъ. Государство настаивало на противоположномъ.

Но откуда же столкновение съ Христіанствомъ могло сдѣлаться столь трагичнымъ? Не отъ язычества-ли, ибо вѣдь здѣсь религія сталкивалась съ религіей?

Я не буду распространяться здѣсь объ отношеніи Христіанства въ язычеству. Нашему изслѣдованію подлежатъ отношенія первой Церкви къ Имперіи. О язычествѣ же намъ необходимо замѣтить лишь слѣдующее.

Цѣло политеизма уже было проиграно задолго до появленія Христіанства. Вслѣдствіе своей неустойчивости, внутренней пустоты,—безсилія указать путь для нравственнаго роста

личности, онъ неудержимо падалъ повсюду. Столкновение же одного политеизма съ политеизмами другихъ народовъ обращало поклоняемые мѣологическіе образы въ игральщѣ фантазіи. Еще большія сомнѣнія въ нравственномъ достоинствѣ политеизма возбуждала философія. Философія боролась съ нимъ чуть-ли не съ самаго своего зарожденія. За это нѣкоторые изъ философовъ принуждены были покинуть родину, иные приняли смерть. Что начала философія, то всюду потомъ довершило софистическое учительное движеніе, перекинувшееся далеко за предѣлы Эллады. Такъ что съ язычествомъ, какъ съ религіей, Христіанству почти уже не пришлось имѣть дѣла. „Велика Діана Ефесская!“, — вопилъ народъ, будто бы оскорбленный евангельскою проповѣдью апостола Павла. Но тутъ же Павелъ объясняетъ, что это кричало не возмущенное религіозное чувство, а интересы мѣдниковъ и литейщиковъ идоловъ. Еще замѣчательнѣе, что ни въ Евангеліи, ни въ посланіяхъ Апостольскихъ мы почти не находимъ даже именъ распространеннѣйшихъ языческихъ божествъ того времени: Юпитера; Діаны, Діониса, Афродиты, Аполлона и т. п.

Знаменитыя попытки Антониновъ возстановить язычество, въ сожалѣнію, до сихъ поръ мало поняты и служатъ лишь источникамъ недоразумѣній среди ученыхъ историковъ. И это зависитъ вслѣдствіе непониманія отношеній, существовавшихъ между язычествомъ и государственнымъ гуманизмомъ Имперіи. Гуманизмъ этотъ приблизительно такъ же разрушительно покрывалъ всѣ мѣстныя язычества, какъ научный прогрессивный гуманизмъ нашего времени отрицательно покрываетъ нынѣшнія вѣроисповѣданія Христіанства.

Власть воздвигала статуи, строила алтари, сооружала великолѣпные храмы, пантеоны, но все это дѣлалось не изъ религіозной вѣры въ идоловъ, а по соображеніямъ консерватизма, изъ лицемѣрной игры въ устои, и еще болѣе изъ сознанія своего гордаго права „боговъ дѣлать богами“. Отъ всякаго прикосновенія государственнаго гуманизма Имперіи политеизмъ падалъ въ гораздо большей степени, чѣмъ возрождался. И невольно приходитъ на мысль, что само Провидѣніе возложило на государственный гуманизмъ эту миссію — расправиться съ идолопоклонствомъ, такъ что тра-

гедія Христіанства разыгралась, главнымъ образомъ, не въ столкновеніи съ язычествомъ.

Это только для первыхъ Христіанъ, погруженныхъ въ эсхатологическія ожиданія и не особенно посвященныхъ въ самочувствіе римскаго правящаго класса могло казаться, что власть относится такъ враждебно къ евангельской вѣрѣ и заставляетъ ихъ приносить жертвы предъ богами изъ-за своей преданности язычеству. Если бы это было такъ, трагедія мученичества никогда бы не имѣла мѣста. Противъ боговъ выступали не только провозвѣстники „ученія галилеянъ“, а и всѣ проповѣдники новыхъ формъ пантеистическаго единобожія и деизма, которыхъ тогда было много.

Имперія возстала на Церковь и изъ всѣхъ тогдашнихъ религій на одну Церковь изъ-за того, что почувствовала себя уязвленной именно въ своемъ хищномъ гуманизмѣ. Вотъ почва, на которой разыгралась трагедія мученичества.

Чтобы понять это, необходимо выяснитъ: что такое былъ этотъ государственный гуманизмъ?

Грѣхъ гуманизма не исчерпывался гордымъ утвержденіемъ независимой отъ Бога человѣческой стихіи и частными злодѣйствами, хотя бы весьма многими, лицъ, стоявшихъ у власти. Одно это не было бы такъ страшно. Тогдашняя Церковь располагала огромными проповѣдническими силами, злодѣи могли раскаяться, и причиненныя ими страданія могли быть изглажены. Но въ Имперіи была ложь высшаго порядка,—такая ложь, которая дѣлала ее, какъ Имперію, на вѣки и фатально непріемлемой для Христіанства.

Эта ложь высшаго порядка заключалась въ томъ всеобщемъ психологическомъ актѣ, путемъ котораго частный ограниченный человѣкъ осуществлялся въ публичную власть.

Вступая въ должность, всякій римлянинъ переживалъ расширеніе своего существа до предѣловъ данныхъ ему полномочій. И чѣмъ выше была магистратура, тѣмъ шире было это расширеніе личности, тѣмъ большія круги зрѣнія и дѣйствія охватывало оно. На верхнихъ точкахъ личность разрасталась во всечеловѣка, въ особую породу людей правящихъ міромъ или готовыхъ къ этому управленію. *Orbem regere memento!*

Спрашивается, какимъ путемъ личность разрасталась въ

сверхличность? Какими психологическими метаморфозами человекъ ограниченный становился мѣрою жизни и вещей для многихъ, внушая мотивы поведенія въ самыхъ отдаленныхъ углахъ міра?

Этотъ путь слѣдующій.—Власть брала на себя тяготу *пространства*, именно, „мукъ пространства“, какъ всеобщаго начала, отдѣляющаго человекъ отъ человекъ.

Чѣмъ, собственно, отличались прежнія политія античнаго міра отъ Имперіи?—Тѣмъ, что всѣ граждане тамъ воздѣйствовали другъ на друга черезъ личное впечатлѣніе, личное непосредственное вліяніе. Стоило перейти улицу, площадь,—и власть становилась лицомъ къ лицу съ тѣмъ, кого должно было коснуться ея дѣйствіе. Тамъ проблема о пространствѣ не могла найти себѣ постановки. Въ Имперіи иначе. Здѣсь дѣло шло о такомъ количествѣ людей, такихъ далекихъ областяхъ, что о личномъ вліяніи и прикосновеніи нечего было и думать. Здѣсь довольно было стать къ власти, чтобы быть принужденнымъ рѣшать вопросъ о пространствѣ такъ или иначе.

Мы привыкли за рѣшеніемъ этого вопроса обращаться къ философіи и къ книжнымъ дискурсіямъ теоретиковъ. Но исторія и жизнь знаютъ другое рѣшеніе этого вопроса. Онъ рѣшается въ отношеніяхъ власти къ управляемымъ. Рѣшеніе здѣсь психологически творится на верхахъ власти и передается внизъ по лѣстницѣ подчиненія, какъ принципъ расширенія частнаго лица во властителя.

И вотъ, Имперія была основана на *конной* тягѣ. Идея механической побѣды надъ пространствомъ была положена въ ея основу. И это не только эмпирически, но, что гораздо важнѣе, метафизически. Свистъ вѣтра въ ушахъ отъ движенія, пыль и неудобства дороги, храпъ и дыханіе лошадей, скука и тряска колесницы... все это конечно, могло занимать мѣсто въ памяти только очень небольшое и случайное. Но всякое представленіе власти объ управляемыхъ, т.-е. объ отсутствующихъ, было въ тайникахъ мысли всегда умножаемо на нѣкій молчаливый коэффициентъ механическаго опыта. Этотъ-то коэффициентъ, постоянный всегда и для всѣхъ провинцій, и заключалъ въ себѣ противурелигіозное рѣшеніе о мѣстѣ человекъ въ мірѣ.

Чувство мчанія, напоръ воли, умножаясь по мѣрѣ того,

какъ человѣкъ разрастался во власть надъ большими кругами міра, будучи религіозной ложью, вносило одиночество и смерть въ сердца людей, къ которымъ направлялось. Освобожденіе отъ связующихъ условій пространства, какъ начала всеразъединяющаго, здѣсь давалось цѣной какого-то ожесточенія, кроваваго опьяненія. И поистинѣ грозная тайна космоса заключается въ томъ, что чѣмъ стереоскопичнѣе становилось пространство, тѣмъ болѣе міръ обращался въ какое-то накаленное пекло безъ всякой возможности выхода.

Чтобы имѣть начатки выхода, надо было научиться видѣть не умъ и волю въ пространствѣ, а пространство—въ умѣ и волѣ. Абсолютность пространства давала имъ ложное понятіе и о самихъ себѣ, и о людяхъ, закрывая всеобщимъ образомъ, т. е. во всѣхъ подвластныхъ, знаменательнѣйшую загадку нравственнаго начала въ человѣкѣ. Надъ міромъ нависло пустое отяжелѣвшее небо, подавляющее всякую молитву въ сердцахъ.

Такъ рождалась злая телепатія власти, которая дѣлала практику Имперіи демонической, какимъ-то сплошнымъ чело-вѣкоубійствомъ.

Христіанство никогда не могло принять абсолютизма этой механической побѣды надъ пространствомъ, какъ правды о человѣкѣ и мірѣ. Христіанство было основано на крестныхъ страданіяхъ Спасителя, воскресеніи Его, на одержанной Имъ *нравственной* побѣдѣ надъ пространствомъ; ибо сталъ Онъ открываемъ здѣсь и тамъ, и на всякомъ мѣстѣ, и на всѣхъ концахъ міра въ одно и то же время. Возвѣщая въ таинствахъ открываемость Христа, удостоверяя это ежедневнымъ опытомъ, переживаемымъ въ всѣхъ общинахъ.— „вкусите, и видите“,—Христіанство возвѣщало нравственную побѣдимость пространства, какъ истину о человѣкѣ и пространствѣ,—вѣровало въ „*небеса отверстыя*“. Апостоль Павелъ высказываетъ требованіе, чтобы укоренившіеся въ любви Христовой Ефесяне „могли постигнуть со всѣми святыми, *что широта и долготы, и глубина и высота*“...., т. е. постигнуть тайну пространства.

Но, сѣя сѣмена независимаго новаго Царства съ такимъ избыткомъ радостной вѣры и непоколебимой твердости, вѣрды которой желѣзное тѣло Имперіи обращалось въ ничто.—

великіе Апостолы лишь издали уязвляли Имперію, какъ организованную механическую побѣду надъ пространствомъ.

Апостольство этой высшей лжи Имперіи прямымъ образомъ не вскрывало. Оно указывало на нее лишь прикровенно: въ видѣніяхъ Апокалипсиса и обѣтованіяхъ будущаго. Чтобы упразднить эту ложь, ему надо было въ отмѣну ея противопоставить исполнившееся Царство Благодати на землѣ, *Градъ Божій*, гдѣ бы правда и послѣдняя красота иной побѣды надъ пространствомъ была даннымъ опыта, вкушаемымъ въ такомъ же обилии, въ какомъ механическая побѣда испытывалась въ Имперіи.

Христианство первыхъ вѣковъ этого не сдѣлало. Ибо не пришелъ тогда часъ для того. Но зато оно совершило всю предварительную работу. Оно выступило противъ Имперіи съ потрясеніемъ тѣхъ метафизическихъ опоръ, на которыхъ воздвигнуто было дѣло міровладычества.

Имперія въ сущности не отмѣнила языческой республики въ томъ смыслѣ, какъ одна форма правленія отмѣняетъ другую форму правленія въ нашей исторіи. Имперія раскидывала шатеръ свой поверхъ республики и прочихъ языческихъ государствъ, вмѣщая ихъ почти цѣликомъ, лишь за исключеніемъ немногихъ моментовъ. Что это такъ,—лучше всего видно изъ того, что республиканскія чувства надолго пережили саму Имперію и продолжали бороться съ Церковью уже послѣ того, какъ Имперія стала на сторону Христианства.

Въ императорской власти Римъ при помощи гуманизма окончательно вышелъ за предѣлы своей національности. Онъ вошелъ въ новую форму всеобщей жизни, обратился въ нападающее отношеніе ко всѣмъ и всему. Въ этомъ смыслѣ Имперія была не только формой правленія, а чѣмъ-то большимъ.

Но что такое былъ этотъ государственный гуманизмъ?

Онъ властолюбіемъ своимъ былъ направленъ не на природу, какъ гуманизмъ нашего времени, а на человѣка, въ его общественныхъ связяхъ и отталкиваніяхъ. Гуманизмъ этотъ явился среди всеобщаго разъединенія, среди открывшейся соціальной топкости, какъ единственная плавающая сила..., единственное побѣждающее и устойчивое начало. Чувство своей исключительной реальности, которымъ онъ былъ проникнутъ,

обращало все прочее въ тѣни, въ призраки шаткіе. Въ мірѣ ничего нѣтъ, а есть только эманациі единого всемогущаго ненасытнаго существа. Онъ одинъ субъектъ, всѣ остальные—объекты. Активной кровожадностью это существо въ умахъ людей отпечатлѣвалось съ чрезвычайной пластичностью, какъ звѣрь изъ бездны.

На четырехъ устояхъ покоился этотъ хищный государственный гуманизмъ: изъ четырехъ философскихъ рѣшеній о жизни черпалъ онъ чувство своей исключительной реальности на землѣ, создававшее для него неисчерпаемый запасъ мотивовъ завоевательной воли.

Первая опора этого самодовлѣющаго гуманизма, осуществляющаго идею Имперіи—это *неоткрываемость* Бога, непознаваемость Божественнаго и полная утрата чувства зависимости отъ него. Боговъ Имперія разрушала вездѣ и всюду въ пользу своего гуманизма. Человѣческая воля государственной власти надъ покоренными реальнѣе, чѣмъ всѣ дѣйствія боговъ защищающихъ. Эта человѣческая воля изнимала народы изъ-подъ вліянія всякихъ вымышленныхъ, религіозныхъ страховъ и ставила ихъ въ отношеніе реального страха предъ собой. Гдѣ римскій магистратъ прибывалъ свой эдиктъ на видномъ мѣстѣ ко всеобщему свѣдѣнію, — тамъ навсегда разсѣивались миѳическіе призраки Олимпа и водворялся „скептицизмъ здравомыслящихъ“. Ибо теперь „богамъ“ они становились лишь тогда, когда считаться таковыми имъ позволяли власти Имперіи. Даже языческіе боги не выдерживали этого! И дѣйствительно, по сравненію съ реальнымъ могуществомъ Императора и другихъ правителей умопостигаемое могущество боговъ могло вызывать лишь усмѣшку; и сами боги по сравненію съ жуткою серьезностью властей Имперіи казались какими-то жалкими шутами.

Вторая опора этого государственнаго гуманизма слѣдующая. Цѣлымъ движеніемъ въ правообразованіи Римъ стремился къ упроченію мотивовъ правящей воли надъ своими подданными. Ни одинъ народъ не употреблялъ столько усилий къ созданію вѣчной власти, прочнаго порядка—Рах гомана. Чтобы миръ между гражданами сталъ дѣйствительно прочнымъ,—необходимо было побѣдить ограниченность отдѣльных носителей власти. И вотъ, мимолетная личность стала

осуществляться въ „юридическое лицо“, въ учрежденіе аморальное, но устойчивостью своею хватающее далеко за предѣлы жизни каждаго отдѣльнаго Кая, Тиція, Корнелія. Личности лишали на лицѣ магистрата, какъ случайность. Имперія вся была построена на увѣренности, что такое юридическое лицо способно на безконечное существованіе во времени и будетъ служить источникомъ прочнаго, политическаго порядка и мира. Это навсегда убивало въ государственной волѣ всякія проявленія милосердія и нравственнаго сознанія.

Третья опора—это материнство природы. Лучшее выраженіе эта мысль нашла у Тита Лукреція. Человѣкъ освобождался отъ всякаго рабскаго страха предъ мнимыми богами плодородія. Идея независимой автономной природы отводила человѣку почетное мѣсто въ мірѣ и давала невѣдомый дотолѣ въ язычествѣ покой сердцу атеиста землевладѣльца, обрабатывающаго свои поля тысячами язычески-вѣрующихъ рабовъ. Природа—самосушая сила. Творческая работа ея не знаетъ усталости. Она всегда готова кормить человѣка въ награду за его труды, оставляя досугъ для высшей жизни. Пронсходилъ полный разрывъ съ народнымъ вѣрованіемъ; ибо въ руководителяхъ земледѣльческимъ трудомъ вымирала самая потребность въ религіозномъ чувствѣ. Падала вѣра въ какую бы-то ни было Божественную силу внѣ природы. Разбивались тѣ оковы, въ которыхъ она этимъ являлась уму и хозяина и работника. Всѣ мысли о богатствѣ провинціи, могущихъ составить опору власти, всѣ расчеты на продовольствіе легіоновъ и будущіе матеріальные ресурсы государства исходили изъ идеи о такой землѣ, кормящей человѣка. Пусть рустики Кападокіи, Сициліи и Египта молятъ боговъ объ урожаѣ, а власть чувствовала себя въ этомъ вопросѣ со свободнымъ умомъ и развязными руками.

Четвертая опора государственнаго гуманизма—это естественная данность личной жизни. Цицеронъ, Сенека, читавшіе наставленія своему вѣку, подхватили лишь то, что носилось въ воздухѣ. И явилась философія смерти, которая какъ бы побѣждала ужасъ ея неразумности. „Человѣкъ доживаетъ до глубокой старости; и, какъ спѣлый плодъ, отваливается отъ вѣтки, такъ и онъ отпадаетъ отъ жизни“. Ничему сверхъестественному здѣсь не оставлялось мѣста. Толпы

стои́ковъ, эпикурейцевъ поворачивали эту мысль то въ сторону одной, то въ сторону другой философіи. Плиній Младшій писалъ: „Изъ всѣхъ благъ, данныхъ человѣку природою, нѣтъ лучшаго благовременной смерти, а еще лучше то, что каждый можетъ самъ причинить ее себѣ“.

Вотъ эти четыре опоры самодовлѣющаго гуманизма, явившаго собой осуществленіе идеи о единомъ человѣчествѣ.

Этотъ-то міръ, освободившійся отъ всего Божественнаго, прочно замиренный политически, накормленный, увѣренный въ завтрашнемъ днѣ, и противустояль Христіанству. Съ этимъ міромъ и столкнулось оно.

IV.

„Открывается гнѣвъ Божій съ неба на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, подавляющихъ истину неправдою!“ — возвѣстилъ Апостоль Павелъ Римлянамъ.

И этотъ гнѣвъ дѣйствительно обрушился на Имперію. Онъ поразилъ ее именно въ эти четыре опоры ея гуманизма.

Проповѣдь и слава Апостоловъ уязвляли тѣло Имперіи издалека. Власть долго не замѣчала переворота, происшедшаго въ низшихъ слояхъ. Явились въ міръ люди: возвѣщавшіе о Богѣ съ такою силой, что у слушающихъ волосы становились дыбомъ отъ Откровенія. Новые учителя воочію открывали Лицо Божіе. И для однихъ—это было „благоуханіе въ жизнь, для другихъ—смертоносный запахъ въ погибель“.

„Во всю землю изыде вѣщаніе Апостоловъ; и во всѣ концы вселенной глаголы ихъ“. Великихъ апостоловъ было всего двѣнадцать. Зато малыхъ—тысячи. Это было цѣлое многочислѣннѣйшее учительное движеніе, и именно движеніе. Движеніе и бѣгство было такъ существенно въ апостольскомъ подвигѣ, что извѣстный памятникъ, *Ἰδαχὴ τῶν ὁσίων ἀποστόλων* говоритъ, что истиннаго апостола можно отличить отъ ложнаго по тому, если онъ на одномъ и томъ же мѣстѣ проживаетъ не болѣе нѣсколькихъ дней. Въ короткое время весь міръ былъ пронизанъ молніями откровеній, и наполненъ чувствомъ близости Бога къ человѣку. Синагагольскія собранія, торжища, притоны нищеты, города, села, дороги, дворцы, присутственныя мѣста: были волнуемы однимъ и тѣмъ же

новымъ ученіемъ. И „скептицизмъ здравомыслящихъ“ обратился въ сплошное разочарованіе.

Для хищнаго гуманизма Имперіи это было смертью.

Вторая опора была также сломлена.

Использувавъ отчужденіе и темноту по отношенію другъ къ другу, которая вездѣ и всегда преслѣдовали человека. Римъ еще умножилъ ихъ. Стремленіе *divide et impera*, ставшее предметомъ неумирающей воли юридическихъ лицъ, обратило власть въ медиумъ раздора. Всѣ противопоставились всѣмъ. Всѣ сдѣлались видимыми, слышимыми, понятными другъ другу лишь въ этомъ противопоставляющемъ наводненіи. Эти бессмертные магистраты-медиумы источали цѣлые потоки хищной воли, закрывающей страданія другъ въ другъ для взаимнаго видѣнія и сочувствія. Жажда кровопролитія стала двигать тысячными толпами. Кровопролитію рукоплескали въ циркахъ. Страданіе другихъ просто перестало существовать.

Сальвианъ говоритъ: „Никто болѣе не чувствовалъ себя счастливымъ, пока не видѣлъ всѣхъ окружающихъ страдающими“. Рах готана—обратился въ сплошную войну всѣхъ противъ всѣхъ—*bellum omnium contra omnes*. И съ этой войной власть уже ничего не могла подѣлать.

Также рушилась и *третья* опора. Голодь стала періодическимъ бѣдствіемъ; поражавшимъ то ту область, то другую, то заразъ многія. Неурожай хлѣба для человека и ячменя для конной тяги государства были ужасны тѣмъ, что нутали и въ конецъ рвали всѣ счеты власти съ землей, какъ „космосомъ“, освобожденнымъ отъ Божественнаго вмѣшательства. Никакой рационализмъ, никакое присутствіе духа не способно было устоять предъ этимъ бѣдствіемъ. О какой гармоніи съ природой могла быть тутъ рѣчь? О какомъ материнствѣ земли?

„Отниму отъ нихъ опору хлѣбную,“—говоритъ Господь. Эти слова пророка Іереміи проливаютъ страшный свѣтъ на это крушеніе.

То же произошло и съ *четвертой* опорой. Въ прахъ разлетѣлась мысль о естественной данности жизни, когда тогдашній міръ былъ посѣщаемъ эпидеміями и моровой язвой. Съ правителемъ, котораго трепетали цѣлыя области и весь *orbis terrarum*, эта напасть обходила не бережнѣе, чѣмъ съ послѣд-

нимъ рабомъ. Что становилось съ человѣкомъ того времени подъ вліяніемъ этого бѣдствія,—находиме у христіанскихъ писателей, изображавшихъ дѣйствіе чумы въ Карфагенъ и Александрію. Это въ конецъ лишало „независимый“ гуманизмъ Имперіи реалистическихъ элементовъ и сѣяло на мѣсто ихъ ужасъ и темный хаосъ.

Эти четыре удара раскрыли всю призрачность гуманизма, развѣяли, какъ дымъ, его притязаніе на исключительную реальность и сдѣлали панику общей. Ибо некуда было укрыться отъ нихъ и невозможно было знать, гдѣ и чьей силой они могутъ быть отвращены.

За каждымъ бѣдствіемъ чудился нѣкто мстящій, воинствующій, бѣгущій изъ конца въ конецъ земли, ибо этими бѣдами посѣщаемо было обширнѣйшее поле Имперіи то здѣсь, то тамъ. Почему здѣсь? почему тамъ? — оставалось всегда непонятнымъ для поражаемыхъ. Потому-то удары эти и принимаемы были, не какъ случайность, а какъ неопроверженіе всеобщихъ опоръ гуманизма и слѣдовательно, міровладычества.

Каждый изъ этихъ ударовъ бросалъ Имперію на Христіанство, какъ на единственнаго ея соперника, ибо отъ этихъ бѣдствій только подъ нимъ однимъ не колебалась почва. Потрясеніе этихъ опоръ открывало съ одной стороны всю эфемерность гуманизма, съ другой выводило на свѣтъ изъ скрытаго состоянія непоколебимую реальность Церкви и рождало въ гуманизмѣ бѣшенную зависть къ бытію. Проповѣдническія стремленія христіанъ, движимыхъ вѣрой въ исключительное и всезахватывающее предназначеніе ставили дѣло такъ, что иногда самъ собой навязывался вопросъ: Имперія ли гнала Христіанъ, или Христіане—Имперію? Во всякомъ случаѣ безъ этихъ бѣдствій столкновеніе никогда бы не разраслось въ единоборство. Ибо борьба шла за абсолютное значеніе на аренѣ жизни: или гуманизмъ или Христіанство.

Эти бѣды и испытанія сгубили рационализмъ вѣка, отняли политическій смыслъ міровой власти. И та священная идея единого человѣчества, которая давала Имперіи помазаніе чего-то все таки высшаго, отличающаго ее отъ обычнаго, но только грандіознаго разбоя и простой языческой подлости, эта идея отдѣлилась отъ ея практическаго осущест-

ствленія: сказались разные пути, имъ предстоящіе въ планѣ дальнѣйшей исторіи. Судьба верховной власти разошлась съ судьбой собственной государственности.

Все тѣло недавно великой Имперіи точно провалилось куда-то: подъ нимъ разступилась бездна. Зрѣлищемъ своего паденія она вызывала эсхатологическій ужасъ даже у самихъ Христіанъ.

Никакіе погромы варваровъ никогда не сразили бы Имперіи, если бы не подломились подъ ней именно эти опоры. Имперія пала *безвременно*; ибо просуществовала же Византія болѣе тысячи лѣтъ. А какова была ея сила по сравненію съ Римомъ?

Умеръ Великій Панъ! Померкло солнце. Страшно и дико стало на землѣ. Всѣ вещи, всѣ дѣла, всѣ положенія потеряли свое прежнее значеніе и вмѣсто атеистическаго успокоенія сердцу стали развивать страхъ суда, указывая на таинственную грозную сущность этой міровой ночи.

Среди этой періодически наступавшей паники только Христіане оставались ясны духомъ. Ни одна изъ этихъ бѣдъ ихъ не коснулась. Апостольство прикрѣпило ихъ къ источнику спасенія. Окружающая вражда и жестокость еще болѣе сплотили ихъ въ братскія общины. Голодь воспламенилъ невиданную дотолѣ взаимопомощь и безкорыстную благотворительность. Моровыя язвы подвинули на чудеса милосердія. Но самое важное—это то, что гоненія помогли родиться единству Церкви въ языко-христіанствѣ. Если религіозная жизнь во всѣхъ городскихъ Церквахъ была различна, то теперь надъ всѣми общинами виталъ однородный сонмъ мучениковъ, уносившихъ къ престолу Божію одну и ту же молитву, одно и то же недоумѣніе о путяхъ Его домостроительства.

Вотъ чего стоило для Имперіи столкновеніе съ Христіанствомъ! Изъ всего ея гордаго зданія уцѣлѣла одна только вершина. Возвышаясь надъ развалинами распавшагося политическаго міра, верховная власть уже не знаменовала прежнее государственное тѣло свое: все богоборное въ ней поникло.

До какой степени религіозныя требованія тяготѣли теперь надъ этими самодержцами римскаго міра, такими неограниченными въ политикѣ, видно изъ слѣдующаго. Императоръ Маркіанъ, этотъ старый солдатъ, передъ которымъ отступаетъ Атти-

ла, даетъ богословскія объясненія невѣжественнымъ монахамъ съ цѣлью разсѣять ложные слухи о своихъ догматическихъ воззрѣнiяхъ и съ заботливою ревностью защищаетъ свое православiе противъ другого монаха, который осмѣливается оспаривать его.

Теперь Императоръ смиреннѣе могъ сознать на себѣ помазанiе вѣчнаго Закона Божiя о всемирномъ единенiи народовъ. Теперь въ отношенiи къ управляемымъ личность стала разрастаться въ единичеловѣка не по принципу механической побѣды надъ пространствомъ, а на основѣ мистическаго несенiя ответственности за разъединенiе въ вѣрѣ какъ самое важное, на основанiи единства молитвы, единства Рима борьбы со страстями, единства чаянiя будущаго вѣка... Новая религiя видѣла въ Императорѣ уже не земного бога, но слугу Божiя, подчиненнаго высшимъ намѣренiямъ Промысла. Императоры, именно въ силу своего помазанiя стали стремиться къ поддержанiю исповѣднаго единства, полагая въ этомъ вновь найденную основу и опору государственнаго благополучiя на землѣ.

Это съ особенною силою сказалось въ слѣдующую эпоху, когда всѣ города были раздираемы религiозными распрями о естествѣ Сына Божiя. А конная тяга, идея механической побѣды надъ пространствомъ изъ дѣловой основы государства превратилась теперь въ предметъ бѣшеннiй игры въ циркахъ.

Вотъ въ какой моментъ произошло соединенiе Имперiи съ Христiанствомъ.

Такъ какъ идея *единого* челоуѣчества, повсюдное воспламененiе воли къ этому всеединству,—ибо во всѣхъ провинцiяхъ Римъ находилъ откликъ на эту идею,—такъ какъ эта идея была воистину Откровенiемъ Божiимъ среди язычества вродѣ того, какъ вѣра Iова въ то, что „Спасителя своего онъ узритъ во плоти“,—то поэтому Церковь такъ просто, такъ поразительно скоро и заключила мiръ съ Имперiей.

Это не былъ компромиссъ со зломъ, не паденiе Церкви, но новый подвигъ вѣры: признанiе религiознаго помазанiя за врагомъ, причинившимъ столько страданiй. Этимъ Церковь препоясала себя новой великой проблемой—о праведной *землѣ*; идеей града Божiя.

Такъ явился каволицизмъ, исторически единая Церковь.

Догматы вселенскихъ Соборовъ Церковь уже стала возвѣщать *urbi et orbi*. Она стала мыслить, формулировать преданіе, управлять своими дѣлами, вести хозяйство въ тѣхъ абсолютныхъ формахъ человѣческаго реализма, которыя выработаны были Имперіей и теперь остались отъ нея какъ осколки. и никто изъ святыхъ мужей современныхъ этому перевороту не возражалъ противъ него: слова обличенія не раздалось ни съ епископскихъ кафедръ, ни изъ пустынь Фиваиды, ни изъ засѣданій Соборовъ.

Совершая этотъ шагъ, Церковь вошла въ новую задачу, которую знали Апостолы, но которой не знали самозамкнутыя общины христіанскія первыхъ временъ и эпохи гоненій. Теперь Имперія могла рухнуть и рухнула, но идея управляемаго *единого* человѣчества вошла въ самое мистическое содержаніе Христіанскаго благочестія и стала жить въ немъ, какъ святое видѣніе, рождая величайшія бури въ исторіи народовъ, приобщившихся въ Евангелію позднѣе.

Идея католическаго единенія, будучи невидимой, едва осуществленной, стала двигать всѣмъ видимымъ и осуществленнымъ въ дѣлахъ Церкви. Всѣ святые Отцы воинствовали этой идеей. Въ борьбѣ съ ересями всѣ слова, аргументы, папѣсь располагали въ такомъ порядкѣ, какъ если бы это единеніе уже было налицо.

Въ томъ-то и сила этого переворота, что теперь явилась новая тревога за Церковь, за нѣчто не столько исторически-единое, сколько движимое долгомъ единства. Теперь вожди Христіанства стали бороться за мѣсто Христіанства въ Имперіи, за исключительность отношеній ея къ Христіанской истинѣ такъ же, какъ и за прочія основы вѣры. Теперь вожди Христіанства стали дѣйствовать, учить, формулировать каноны, бороться противъ лжеученій, анафематствовать, взывать за помощью къ свѣтской власти, живя мысленно и сердцемъ къ какой-то невидимой епископской республикѣ которой физическихъ очертаній никто не могъ указать, а между тѣмъ эта невидимая духовная республика рѣшительно заставляла чувствовать себя на каждомъ шагу. Нападенія ея поражали самихъ Императоровъ, когда они соблазнялись въ ересь; удары по ней заставляли сѣтовать и плакать одними и тѣми же слезами на разныхъ концахъ земли И. при всемъ томъ эта духовная республика все время со-

храняла свои отношенія къ Имперіи, проповѣдуя ихъ исключительность.

Миръ съ Имперіей много разъ давалъ Церкви спасеніе отъ ложнаго мистицизма и другихъ не менѣе опасныхъ вывиховъ души. Имперія сняла съ сердець рабій тупой страхъ языческій предъ идолами и, когда сама пала, то какъ бы завѣщала Церкви эту смѣлость гуманизма и всемірнаго строительства.

Миръ съ Имперіей, какъ и гоненія, избавилъ первохристіанскія общины отъ того первоначальнаго сектантскаго, запаха который они въ себѣ сами никогда бы не побѣдили.

Но что еще важнѣе,—чуть ли не больше, чѣмъ фактъ разрушенія Іерусалима, этотъ миръ послужилъ къ окончательному освобожденію Церкви отъ главнаго изъ остатковъ Іудаизма — іудаистическаго чувственнаго хилиазма, которому подвержены были почти всѣ учителя и апологеты первой Церкви.

И никогда бы, никогда безъ Имперіи Апостольская идея всечеловѣческаго спасенія, вселенской Церкви не была бы вмѣщена Христіанствомъ „изъ языковъ“!

Вотъ почему память Императора Константина, сына Констанція Хлора, была объявлена равно-апостольнымъ поклоненіемъ, а его эдиктъ встрѣченъ повсюду молитвами и криками восторга.

V.

Теперь поднимаетъ свою голову вопросъ, который давно ужъ насъ подстерегалъ, чуть ли не съ первой страницы доклада.

Что же? Это соединеніе Христіанства съ Имперіей, изображенное здѣсь со стороны его религіозной загадочности, имѣло ли оно и какія-либо тяжелыя послѣдствія?

Я на этотъ вопросъ не хотѣлъ бы отвѣчать. Въ литературѣ и церковной и свѣтской столько уже сказано дѣльнаго въ объясненіе тяжелыхъ послѣдствій этого соединенія, что мнѣ пришлось бы только повторять извѣстное.

Я знаю, что это соединеніе Церкви съ Имперіей, для всѣхъ, кто не могъ до сихъ поръ разобраться въ немъ и у кого не было во внутреннемъ опытѣ религіознаго переживанія благодати, послужило источникомъ соблазна и мораль-

наго оскудѣнія. Думаю даже больше, это соединеніе кочевными путями повліяло на возникновеніе цѣлаго цикла ересей вплоть до самой тяжелой, такъ называемой, „трязычной ереси“, заключавшейся въ убѣжденіи, что настоящее полное Христіанство возможно только на трехъ языкахъ: еврейскомъ, еллинскомъ и римскомъ,—тѣмъ не менѣе оно было единственный путь къ граду Божьему, обѣтованному.

Пытаясь начертать иную концепцію отношеній Церкви къ Имперіи, я представилъ вниманію читателей не идиллическую картину, въ которой изглажено все дурное, а теоретическій *чертежъ* того построенія, въ которомъ намъ было бы такъ необходимо разобраться.

Чертежъ—не идиллія, а всегда только дѣловая истина. Онъ игнорируетъ частности, даетъ лишь точные размѣры, поперечныя сѣченія и т. п. Подставьте подъ эти общія положенія имена, годы, цитаты изъ документовъ, и вы получите полную картину Византійской исторіи.

Я бы охотнѣе считалъ болѣе вытекающимъ изъ существа доклада другой вопросъ. Именно:

Если верховная власть въ Имперіи имѣла такое религіозное значеніе, то обращеніе ея въ Христіанство,—прибавило ли радости спасенія въ мірѣ? Сдѣлало ли оно этотъ міръ „Царствомъ Господа Иисуса Христа?“

Отвѣчу прямо: Нѣтъ, не сдѣлало.

И вотъ почему. Власть была носительницей *Закона* Божія о единочеловѣчествѣ, о собраніи племенъ и народовъ во едино, закона, а не *Благодати*. Законъ разрушаетъ самодовленіе грѣха, но не самый грѣхъ. Законъ связываетъ зло, но не созидаетъ добра. Законъ причиняетъ страданія внутренняго разлада, но не даетъ примиренія. „Закономъ міръ становится виновнымъ предъ Богомъ“,—говоритъ Апостоль Павелъ. Въ законѣ—человѣкоборство. Правда, эти страданія, возстановляя порванную связь съ Творцомъ, приведутъ потомъ къ радости и примиренію въ Благодати. Но пока Благодать не явилась, Законъ создаетъ зияющую пустоту и жажду заполнения ея. Законъ открываетъ подлинное положеніе чело-вѣка предъ Богомъ и рождаетъ страхъ.

И дѣйствительно, послѣ этого переворота Христіанство становится вселенскимъ. Но какъ католицизмъ, огражденный громами отлученія со всѣхъ сторонъ, оно оказалось

религіей *страга*, всецѣло обращенной къ прошлому и съ ужасомъ смотрящей на будущее. Какъ религія же радости, Христіанство продолжаетъ жить только въ городскихъ Церквяхъ, въ типахъ общиннаго, домашняго, семейнаго благочестія.

Затѣмъ является слѣдующій вопросъ: понимали ли церковные дѣятели и Императоры того времени, что это соединеніе не есть еще исполнившееся Царство благодати, какъ оно описано пророками, еще не *Градъ Божій*?

Повидимому, не понимали. У церковныхъ дѣятелей того времени совершенно отсутствовало представленіе о тѣхъ вѣкахъ историческаго процесса, которые суждено было пережить новымъ народамъ послѣ Имперіи. Великое недоразумѣніе и тяжкій, смертный грѣхъ этого періода заключался въ томъ, что соединеніе Церкви съ Имперіей принимаемо было за начало „Тысячелѣтняго Царства Христова“, — настолько вводилъ въ заблужденіе религіозный ореолъ Императорской власти и торжественная инсценировка ея.

Какъ извѣстно, Блаженный Августинъ на этой ошибкѣ построилъ всю свою концепцію о судьбахъ Церкви. А эта концепція потомъ легла въ основаніе папства и въ частности всей средневѣковой Западно-Европейской теократіи.

Но и для Востока это имѣло почти тѣ же послѣдствія, хотя въ выраженіяхъ самой мысли этой здѣсь были сдержаннѣе. Молчаливо или косвенно здѣсь было такое же отношеніе къ этому перевороту: его считали окончательнымъ заверпеніемъ христіанскаго развитія, а Византійскую Имперію неотмѣнимою формой жизни до втораго пришествія.

Что каѳолицизмъ не есть тысячелѣтнее Царство Христово, „Градъ Божій“, и даже не находится въ категоріи его, — лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить всѣ историческія испытанія, выпавшія потомъ на долю Византійской Имперіи, ея паденіе и въ особенности раздѣленіе Церквей на двѣ враждующія въ теченіе долгихъ вѣковъ вѣтви: Восточную и Западную.

Законодательство Христіанскихъ Императоровъ, новеллы, административныя распоряженія, цѣлыя кодексы постановленій разныхъ династій, направленные къ тому, чтобы дать Христіанству значеніе исполняющейся истинны въ государ-

ствѣ,—поражаютъ своимъ безсиліемъ. И такова была іронія судьбы, что власть знаменовавшая Законъ единенія всѣхъ племенъ земныхъ, оканчивала дни, растерявъ свои ісконныя владѣнія, и даже населенныя народами родственными себѣ по крови!

Опредѣленныя, многообразныя и настойчивыя библейскія обѣтованія о грядущемъ торжествѣ Царства Божія въ исторіи, всѣ юбилейныя радости отлетѣли отъ греко-римскаго Христіанства. Въ умахъ людей того времени они поднялись въ такую туманную высь, гдѣ стало трудно понять: были ли они въ священномъ Писаніи только риторическими фигурами, условными символами, или подлинной грядущей намъ на судъ развязкой исторіи. И сама исторія потеряла свой положительный смыслъ и религіозное оправданіе, которыя еще хранились въ первой церкви, какъ остатокъ концепціи библейскихъ пророковъ, и изъ домостроительства спасеніе превратилось всебѣсовскій водевиль.

Это послужило причиной, почему двуединый характеръ Евангельской и Апостольской эсхатологіи, именно: обѣваніе тысячелѣтняго царства Благодати на землѣ; слѣдующее за нимъ отступленіе, космическій пожаръ міра; и пришествіе Царства Славы на новомъ небѣ и новой землѣ—былъ въ греко-латинскомъ Христіанствѣ *не понятъ*, спутанъ и замѣненъ одинарнымъ ожиданіемъ кончины міра и страшнаго суда.

Такое искаженіе стало особенно тягостно, когда къ Христіанству приобщились новые народы, чувствовавшіе въ себѣ сокровище положительнаго призванія въ домостроительствѣ, и когда они пришли въ столкновеніе съ еврействомъ, имѣющимъ обѣтованіе всенароднаго обращеніе: „весь Израиль спасется“.

И сколько страданій пришлось и еще придется пережить этимъ народамъ въ своей религіозной совѣсти, пока они не созрѣютъ до того момента, когда смогутъ, не разрывая со святоотеческимъ прошлымъ греко-латинскаго Христіанства приступить къ постановкѣ новаго акта всемірной теодицеи, и въ обѣтованіи Града Божія найти могущественнѣйшіе мотивы для общественнаго творчества.

Нѣкоторые, быть можетъ, упрекнутъ меня, что высказавъ все предыдущее, я пока собственно ничего еще не ска-

заль; что я оканчиваю тамъ, гдѣ мнѣ лишь слѣдовало начать. Это несправедливо.

Я по мѣрѣ силъ моихъ постарался разверстать религиозные элементы этого сложнаго и страшно труднаго вопроса. Безъ этой предварительной работы нѣтъ никакой возможности подойти къ слѣдующей болѣе важной его части, именно—объ отношеніи Церкви и Государства нашего времени къ грядущему *Граду Божию*.

В. Тернавцевъ.
